

Услышав, что от него требуется помощь, Юань Чжэнчу уже было потянулся к стоявшей рядом метле, но Цуй Сянь тут же сунул ему в руки толстую стопку жёлтой бумаги. Он схватил Юань Чжэнчу и потащил прямо в кабинет. Там уже всё было приведено в порядок: на письменном столе лежали кисти, тушь, бумага и тушечница, а рядом стояла только что растёртая кинovarь.

— Садитесь, садитесь. Небесный наставник, у вас такие драгоценные руки, разве можно заставлять вас заниматься грубой работой? Смотрите лучше, что я для вас приготовил!

Юань Чжэнчу приподнял бровь.

— Ты собираешься продавать мои талисманы в лавке рода Цуй?

Да ещё и на жёлтой бумаге. Настолько простейшие талисманы людей из мира мистических искусств совершенно не заинтересовали бы.

Цуй Сянь улыбнулся:

— Я и не собираюсь торговать с людьми из мира мистических искусств. Когда я был маленьким, отец и дед почти не имели дел с обычными людьми. В основном они заключали сделки с практиками, обмениваясь редкими сокровищами. Это слишком хлопотно. К тому же с моими нынешними способностями ещё неизвестно, станут ли они вообще воспринимать меня всерьёз.

— Тогда ты...

— Вернусь к своему прежнему ремеслу.

В тот же день после обеда в списке горячих тем появилась новая запись - не на самом верху, но и не слишком низко:

[Цуй Сянь, сыгравший «Цзян Сичэня», продаёт в прямом эфире талисманы от нечисти.]

Стоило открыть тему, и на экране появлялся стрим: позади висела большая вывеска с огромным иероглифом «Цуй», а Цуй Сянь сидел перед камерой в ритуальном одеянии Юань Чжэнчу и с совершенно серьёзным видом продавал всевозможные жёлтые талисманы.

Назначение у них было самое разнообразное. Больше всего - для изгнания нечисти и очищения скверны. Кроме них были талисманы для привлечения любви, для зачатия ребёнка, против крыс, для того, чтобы заставить петуха кукарекать, чтобы рыба не уходила, против комаров и ещё множество других. Все они были рассортированы по видам и развешаны на стене позади него.

В прямом эфире сидело больше пятидесяти тысяч человек. Одни были поклонниками Цуй Сяня, другие пришли просто потому, что происходящее выглядело слишком диковинно и хотелось посмотреть на это собственными глазами. Были там и актёры с режиссёрами, с которыми Цуй Сянь когда-то работал.

Фэн Юй, только в прошлом году получивший награду как лучший актёр, зашёл в эфир со своего основного аккаунта. Убедившись, что это действительно Цуй Сянь, он расхохотался и тут же отправил подряд сто огромных виртуальных ракет.

Один из самых известных фан-аккаунтов Цуй Сяня тоже молча оставил комментарий:

«Старший брат, ты наконец-то нашёл свою настоящую нишу».

Поскольку Цуй Сянь был всем известен своей феноменальной невезучестью, и поклонники, и коллеги давно считали, что с ним наверняка что-то нечисто. Иначе фанаты не стали бы целыми этажами сообщений в его супертеме собирать деньги, чтобы перенести родовые могилы Цуй Сяня в другое место. Поэтому, хотя внезапная торговля талисманами в прямом эфире всех удивила, почему-то это одновременно казалось совершенно логичным. Вот уж действительно, такая вещь, как публичный образ, бывает удивительно тонкой и непредсказуемой.

Обычные бытовые талисманы стоили вполне приемлемо, а вот талисманы для изгнания нечисти и очищения скверны были очень дорогими. Цена рассчитывалась по количеству магической силы и времени, которые Юань Чжэнчу тратил на их создание. К тому же среди людей, обладавших статусом Небесного наставника, сейчас, пожалуй, только Юань Чжэнчу, этот бедолага, попавший в руки Цуй Сяня, ещё имел свободное время рисовать подобные мелкие бытовые талисманы.

Те, что обычно продавались в крупных даосских монастырях, на самом деле по большей части были тренировочными работами начинающих учеников. А талисман настоящего великого практика не то что за огромные деньги достать трудно - ещё и случай должен подвернуться.

Цуй Сянь в прямом эфире благодарил братанов за огромные ракеты, рассказывал о назначении разных талисманов и без конца добавлял новые партии товара. Юань Чжэнчу тем временем сидел за письменным столом сбоку и рисовал с такой скоростью, что рука у него едва не дымилась.

Улучив свободную секунду, Цуй Сянь покосился на своего «названного отца» и не переставал восхищаться про себя: вот что значит шесть пальцев - даже талисманы рисует быстрее остальных!

Юань Чжэнчу же воспринимал всё это как накопление заслуг. Если эти талисманы разойдутся по тысячам домов и принесут пользу людям, это тоже хорошее дело. Заодно можно было повторить уроки, которыми он занимался в детстве.

По итогам всего эфира лучше всего неожиданно продавался талисман от комаров: стоило добавить партию, как её мгновенно расхватывали. Некоторые в комментариях ещё язвили, мол, зачем вообще покупать эти нарисованные ради забавы бумажки.

Покупатели тут же отвечали:

«А вдруг сработает?»

«Да и вообще, раз уж пришли... Стример слишком красивый, неудобно уходить, ничего не купив».

Получивший награду за лучшую мужскую роль Фэн Юй даже написал Цуй Сяню в личные сообщения:

«Сяо Цуй, если тебе нужны деньги, у меня тут как раз есть один проект, требуется актёр на третью мужскую роль. Тебе очень подходит. Если есть свободное время, приходи на пробы».

Цуй Сянь познакомился с Фэн Юем ещё тогда, когда тот был никому не известным актёром восемнадцатого эшелона. Они вместе снимались в нескольких проектах и неплохо сходились характерами, поэтому, увидев прямой эфир Цуй Сяня, Фэн Юй тоже захотел помочь ему в пределах своих возможностей.

Цуй Сянь выбрал минутку и ответил: «Старший брат Юй, моё агентство давно закрылось, хозяин вообще сбежал. Теперь даже контракт на съёмки некому проверить, ха-ха. Этот младший брат, сменил направление. Вернуться домой и унаследовать семейное дело тоже неплохо. А эти талисманы - работа настоящего мастера, потом пришлю тебе парочку».

Увидев, что Цуй Сянь и правда больше не стремится в актёрство, Фэн Юй не стал настаивать. На самом деле он давно понимал: Цуй Сянь хоть и находился в индустрии развлечений, но сердцем никогда ей не принадлежал. Иначе с его данными он давно уже стал бы по-настоящему знаменит.

После одного прямого эфира денег они заработали немало, но и с отправкой заказов теперь предстояло возиться несколько дней. Цуй Сянь заказал кучу картонных коробок. Цзяожэнь перетащил свою бадью во двор: нижняя половина тела лениво плескалась в воде, хвост время от времени шевелился, а верхняя половина энергично складывала коробки обеими руками. И надо сказать, руки у него действительно были золотые. Чжань Чуань тем временем распечатывал заказы и укладывал товар, попутно всё сильнее восхищаясь Цуй Сянем.

Вот это да, мой друг детства - лучший на свете! За что ни возьмётся, всё у него получается!

Адреса доставки, разумеется, были разбросаны по всей стране. Цуй Сянь бегло просматривал список и вдруг обнаружил, что последние десять талисманов для изгнания нечисти и

очищения скверны купили с доставкой на...

Лунхушань.

В душе Цуй Сянь тут же принялся ругать узкоглазого Чжан Шоушаня. Вот гад! Так он, оказывается, решил закупиться у них оптом!

Глаза Цуй Сяня хитро заблестели. Он тут же подошёл к Юань Чжэнчу, который всё ещё занимался «массовым производством» жёлтых талисманов.

— Дай мне десять листов. Талисманы, которые заказал Лунхушань, я нарисую сам!

Хочешь поживиться за счёт Юань Чжэнчу? Сначала пройди через меня.

С этими словами Цуй Сянь закатал рукава, взял кисть и, сверяясь с талисманом Юань Чжэнчу, принялся копировать его штрих за штрихом - рисовать ковш по образцу тыквы, попросту срисовывая форму. Он уже представлял себе лицо Чжан Шоушаня, когда тот получит эти его «каракули, будто призрак рисовал», и от одной мысли внутри становилось приятно.

Но когда Цуй Сянь поставил последний штрих, кинovarь ещё даже не успела высохнуть, как жёлтый талисман внезапно вспыхнул ослепительным золотым сиянием.

Талисман получился.

— ...

Цуй Сянь так и застыл с кистью в руке, не сразу осознав, что произошло. А Юань Чжэнчу уже схватил его за левую руку и тут же принялся проверять пульс и состояние меридианов.

Сердце Цуй Сяня бешено колотилось. Он посмотрел на Юань Чжэнчу. Тот проверил дважды, но в конце концов всё равно покачал головой.

— Духовные меридианы по-прежнему разорваны.

— Тогда что это было?

— Нарисуй ещё один.

Цуй Сянь послушно взял новый лист и нарисовал второй талисман. На этот раз он был предельно осторожен, не осмеливался ошибиться ни в одном штрихе и от напряжения даже вспотел кончик носа. Но результат оказался совершенно иным.

Не получилось.

Они переглянулись.

Юань Чжэнчу начал внимательно осматривать Цуй Сяня с головы до ног. Он был выше, и стоило ему слегка склониться, как Цуй Сянь целиком оказался в тени его тела. Под длинными бровями, уходившими к вискам, были глаза феникса. Тёмные зрачки молча смотрели прямо на него. Расстояние между ними стало таким близким, что слышалось дыхание и ощущался лёгкий аромат лотоса.

Цуй Сянь почувствовал, как сердце забилось быстрее, и поспешно отступил на шаг.

Но Юань Чжэнчу его не отпустил. Он наклонился следом, одной рукой схватил Цуй Сяня за подбородок, придвинулся ещё ближе и заглянул прямо ему в глаза.¹

— Ты... ты чего делаешь? Я тебе сразу скажу, я, Цуй Сянь, в индустрии развлечений уже один круг прошёл, чего только не видел, я тот ещё ловкач...

Но по мере того как Юань Чжэнчу приближался, взгляд Цуй Сяня сам собой опустился на его тонкие губы.

Розовые.

Прямо розовые.

Старики ведь говорят: цвет губ обычно примерно совпадает с цветом там.

Мозг Цуй Сяня окончательно заклинило. Он уже чуть было не закрыл глаза и не поднял подбородок навстречу, когда Юань Чжэнчу внезапно отстранился.

— По вечерам, кроме закалки тела, будешь ещё тренироваться рисовать талисманы.

— Что?!

Как из таких розовых губ вообще могли выйти настолько ледяные слова?

Юань Чжэнчу развернулся и ушёл, лишь взмахнув рукавом, не унеся с собой ни единого облачка.

Той ночью Цуй Сянь сначала отмокал в лекарственной ванне, потом ещё два часа упражнялся в рисовании талисманов и теперь хотел спать так сильно, что глаза едва открывались. Но на

эту ночь они уже договорились помочь цзяожэню немного подавить скверную ци в его теле.

Юань Чжэнчу начертил формацию, полностью изолировав комнату, и только тогда цзяожэнь осмелился выплюнуть своё внутреннее ядро.

Стоило внутреннему ядру появиться, как из него хлынул густой чёрный туман, бесконечный, словно бурные воды великой реки и моря. Он почти складывался в искажённое от боли, кричащее лицо: то превращался в выброшенного на берег и погибшего кита, то в морского зверя, чей вид полностью вымер из-за загрязнения, то в разрубленное в клочья судовым винтом тело.

Слишком огромная обида и скорбь слились воедино с густой скверной ци, переполнявшей мир, и едва не поглотили всех, кто находился в комнате.

Юань Чжэнчу понял, что они с Цуй Сянем всё-таки недооценили, насколько тяжела скверна внутри цзяожэня. Даже когда он сам начал читать Заклинание очищения Неба и Земли, этого оказалось недостаточно. Перед бурлящей, нескончаемой морской скверной, хаосом, болью и ненавистью сила одного человека была подобна муравью, пытающемуся раскатать дерево.

Неудивительно, что стоило цзяожэню выйти на сушу, как им сразу заинтересовались. Возможно, кто-то хотел заполучить его внутреннее ядро и сделать из него первоклассный могущественный артефакт. А возможно, кого-то привлекала именно эта чудовищная масса скверной ци. Если скверну такой чистоты привести в движение и заставить вырваться из внутреннего ядра цзяожэня, боюсь, она способна накрыть целиком даже небольшую страну. Живые люди, оказавшись внутри, потеряют рассудок, исполнятся жаждой убийства и демонизируются. Тогда нормальный общественный порядок полностью рухнет, а гибель станет лишь вопросом времени.

Когда-то в одной маленькой деревне жители убили духовное существо, которому поклонялись много лет: содрали с него кожу и вырвали жилы. После этого скверная ци затопила всю деревню. Когда туда добрались посторонние, в живых не осталось ни одного человека, повсюду были лишь призрачные трупы, пожиравшие плоть и пьющие кровь.

Если даже небольшое духовное существо, принадлежавшее одной деревне или посёлку, могло вызвать такое, то что уж говорить о цзяожэне, пришедшем из бескрайнего океана.

А сейчас сам цзяожэнь, больше не в силах подавлять внутреннее ядро, тоже постепенно демонизировался. Его хвостовой плавник почернел, во рту выросли клыки, а взгляд начал терять ясность. Чжань Чуань стоял рядом и ненавидел лишь то, что он самый обычный человек и ничем не может помочь.

Но он не отступил. Напротив, шагнул вперёд и взял почерневшую руку цзяожэня - так же, как они делали всегда, через прикосновение передавая друг другу чувства и мысли. Он снова и снова звал цзяожэня по имени. Рука того внезапно крепко сжалась. Цзяожэнь опустил голову и посмотрел на Чжань Чуаня, а в его глазах ясность и падение во тьму непрерывно боролись друг

с другом.

Лицо Юань Чжэнчу стало серьёзным. Формация, которую он установил, уже почти не выдерживала давления внутреннего ядра цзяожэня. Если они немедленно ничего не предпримут, будет слишком поздно.

Юань Чжэнчу тут же опустил ци в даньтянь и довёл циркуляцию магической силы во всём теле до предела. Сменив позицию, он встал в точке формации, где сходились ци и духовная энергия, начал читать заклинание и привёл в действие своё коренное искусство - Тайное заклятие Инь и Ян Людин-Люцзя.

Цуй Сянь увидел, как Шэньцюэ Инь и Ян в руке Юань Чжэнчу будто внезапно ожил. С клинка с рёвом вырвались два дракона, чёрный и белый, и обвилились вокруг тела Юань Чжэнчу. Мощная защитная ци вокруг него вскипела, а между бровями смутно проступил ослепительно-золотой знак. Цуй Сянь ещё не успел разглядеть его как следует, когда Юань Чжэнчу громко крикнул:

— Цуй Сянь, сюда!

Цуй Сянь и сам понимал, насколько всё срочно. Он без колебаний бросился к Юань Чжэнчу, и тот тут же схватил его за ворот сзади и притянул к себе.

Цуй Сянь собственными глазами увидел, как Юань Чжэнчу прокусил кончик языка.

Собственными глазами увидел, как тот наклонился к нему.

И собственными глазами, а точнее, уже на себе, ощутил, как проглотил большой глоток крови с кончика языка Юань Чжэнчу, насыщенной изначальной жизненной ци.

Это уже не было обычным заимствованием силы, когда они соприкасались ладонями. Жгучий жар прошёл от губ и языка вниз, прямо в даньтянь, а затем разлился по необычным меридианам и восьми сосудам. Огромный объём магической силы, куда более густой и мощный, чем когда-либо прежде, ворвался в тело Цуй Сяня. Даже кончики его пальцев задрожали от возбуждения.

На уголке губ Юань Чжэнчу ещё оставалась непросохшая кровь, а прежде розовые губы теперь были окрашены в ярко-красный.

Он тихо произнёс у самого уха Цуй Сяня:

— Цуй Сянь, возьми кисть.

По телу Цуй Сяня пробежала дрожь. А затем, повинуясь почти инстинкту, он прямо из того

безымянного места, которое невозможно выразить словами и откуда берут начало все вещи, силой вытащил Кисть Судьи.

Она сияла переливчатым светом, то становясь видимой, то исчезая, одновременно иллюзорная и реальная. На ней переплетались причинно-следственные связи всех существ и всего сущего, шумные, спутанные, хаотичные.

Юань Чжэнчу достал лист золотой бумаги для талисмана, накрыл своей рукой ладонь Цуй Сяня, а шестой палец прижал прямо к Кисти Судьи.

— Не бойся. Я тебя этому учил.

И Цуй Сянь действительно успокоился. Он сжал кисть, закрыл глаза и, используя магическую силу внутри собственного тела вместо туши, медленно повёл ею по золотой бумаге, выводя рисунок, глубоко спрятанный в памяти, похожий на исполинское древнее дерево, уходящее кроной в небеса.

Этот похожий на древнее дерево талисман словно был бездонной пропастью, пожиравшей магическую силу. Почти мгновенно оба оказались на грани полного истощения. И в тот миг, когда последний штрих завершил талисман, из него во все стороны протянулись бесчисленные ветви и лозы, наполненные живой духовной энергией, и мягко окутали внутреннее ядро цзяожэня. Глубокая скверная ци под покровом этих ветвей постепенно собралась и успокоилась. Бесчисленные погибшие души моря словно наконец обрели краткий покой и тишину, будто после долгих скитаний нашли гавань, где можно ненадолго отдохнуть, и медленно погрузились в сон.

Золотой талисман постепенно догорел. Ветви древнего дерева плотно обвили внутреннее ядро цзяожэня, а затем растворились в нём, превратившись в узорчатую печать на его поверхности. Чёрная ци вокруг цзяожэня рассеялась, и он без сил рухнул на землю. Чжань Чуань тут же подхватил его и прижал к себе.

Взгляд Цуй Сяня расфокусировался. Он бессвязно бормотал какие-то перевёрнутые, непонятные слова, которых Юань Чжэнчу не мог разобрать. Но вдруг рука Цуй Сяня, которую он всё ещё держал в своей ладони, резко напряглась; на ней проступили вздувшиеся вены, пальцы с силой сомкнулись.

В следующее мгновение раздалось низкое «вэн», словно сами Небо и Земля отозвались звоном. И вот в руках у них обоих появилась Кисть Судьи - чёрная, словно звёздное небо, нефритовая кисть, на этот раз уже почти неотличимая от настоящего, материального предмета.

Цуй Сянь закашлялся и пришёл в себя. Первое, что он увидел, открыв глаза, - профиль Юань Чжэнчу рядом. И прежде чем всё тело окончательно обмякло от слабости, он с трудом, прерываясь, выдавил:

— В следующий раз... прежде чем меня целовать... предупреди хотя бы. А то губы больно стукнулись.

<http://bllate.org/book/18411/2041613>